

ПОЭЗИЯ

Аркадий ПРЕСМАН

Жизнь и творчество Аркадия Пресмана прочно связаны с ВГУ. Он выпускник филологического факультета, бывший сотрудник университетской многотиражки. Но главное не в фактах биографии, а в духовных установках этой личности. А. Пресман — поэт, творчество которого наполнено свободомыслием и любовью к общечеловеческим истинам, составляющих основу традиций Воронежского университета. Подборка его стихов-посвящений, представленная в этом номере, знак признания людям, в то или иное время связанным с нашим университетом.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

ДВА ФАКУЛЬТЕТА

Я учился на филфаке ВГУ,
перед этим факультетом я в долгу.
И спасибо вам, мои профессора,
за посеы просвещенья и добра!

А ещё на чёрной лестнице крутой
я учился независимости той,
что рождалась в перекурочном дыму
и казалась неприличной кой-кому.

Там учебники и лекции, а здесь —
пастернаковский роман почти что весь.
Самиздатовский, в тетрадных списках он,
и в него я по-мальчишески влюблен.

Там, на лестнице, дебаты не тихи.
Там Ахматовой запретные стихи.
Старшекурсник с робеспьеровским лицом
называл «отца народов» не отцом...

Заваливший все экзамены почти,
он протягивал мне рукопись: «Прочти!»
И в крамольной полутьме, у пыльных рам,
открывался неизвестный Мандельштам.

Папиросная бумага так тонка,
но не стёрлась рукописная строка,
не сковал её, отчаянную, страх,
а художник затерялся в лагерях...

Чёрной лестнице я низко поклонюсь
и на прошлое невольно оглянусь.
Тот профессорский и этот факультет
мне запомнились на много-много лет.

Перед ними я обоими в долгу...
Я учился на филфаке ВГУ.

2001

* * *

Вот уж зависти кто не ведала.
С васильками косящих глаз,
бесшабашная Ленка Неведрова,
ты была даровитей нас.

Песни пела, пила, бузила,
но прошались тебе грехи
за стихи, что в себе носила,
за талантливые стихи.

Ты в поэзии шла сторонкою,
а не пёрла по большаку.
Помню дерзкую, помню звонкую
молодую твою строку.

Не из патоки, не из теста —
из рисковости огневой.
Не нашлось тебе, Ленка, места
В антологии краевой.

Что ж, угадываю причину:
составитель — учёный муж —
всех по рангу расставил, по чину.
Ну а ты из мятежных душ...

Тихо близится увяданье,
молчаливо глядишь окрест,
но не надо в своё призванье
заколачивать тяжкий крест.

Чудотворствовать интересней.
Не смирись, не сломайся, сдюжь.
Оставайся стихом и песней
в антологии наших душ.

2001

ПОСЛЕЮБИЛЕЙНОЕ

П. А. Бороздиной

Я руку вам поцеловал,
а вы смешались, вы смутились
и так неловко рассердились,
что улыбнулся тесный зал.

Вы покраснели, как заря,
и, опустив цветов корзину,
шепнули тихо: «Это зря».
И руки спрятали за спину.

Им приходилось в жизни сей
писать не только рефераты.
Они вобрали жар степей
и жар от штыковой лопаты.

Они, живые, всё могли:
топили печку, нить сучили,
стирали, стряпали, мели.
Доносов только не строчили.

Рисунок линий скуп и строг —
ладонь в себя не прячет жалоб.
Какие трудности дорог
по ней гадалка отгадала б?

Вам столько выпало беды,
и руки, отличаясь в деле,
чуть потемнели от воды
и от земли чуть огрубели.

Простите, право, я не знал,
не догадался, не предвидел.
Я вас нечаянно обидел —
я руку вам поцеловал.

2006

МАКОМБО ТИГАНИ

Наследного принца Макомбо Тигани
ещё не видали в таком одеянии.
Скажите, его соплеменные боги,
зачем он в ковбойке простой,
а не в тоге?

Скажите открыто, чего это ради
Тигани в строительной интербригаде?
Не слишком зазорно ли в сане таком
и брёвна пилить, и стучать молотком?

В неведение боги, иначе о том бы
сказали они непременно в ответ,
что с виду надменный Тигани Макомбо —
общительный парень, студент и поэт.

Ни в чём отставать
африканцу не хочется,
хотя и вспотела рубаха на нём.
смеётся напарник:
«Эй, ваше высочество,
давай перекурим и передохнём!»

И видится парню совсем не корона,
Когда на рассвете кричат петухи.
Ещё не достроен колхозный коровник,
ещё не дописаны толком стихи
о том, что свежи деревенские грозы,
что дышится в поле на диво легко
и что под Рождественской Хавой берёзы
белей, чем кокосовое молоко.

1970

ВСТРЕЧА

А. Б. Ботниковой

Кружится снег в разгаре дня,
ложась на ветви.
Профессор милый, вы меня
узнали, нет ли?

По вторникам и четвергам,
без всякой спешки,
вы лекции читали нам
по «зарубежке».

Духовности высокой свет —
он весь из тайны —
с годами не распался, нет
и не истаял...

От снега улицам сесть,
расти сугробам.
Поговорить бы, посидеть
в кругу особом.

Собраться можно без труда
в кафе «Желанном»:
с Манон Леско придем туда
и Жан Вольжаном.

Мы позовём с собою их
на этот вечер.
Закажем стол на четверых,
затеплем свечи.

Качнутся тени на стене,
и вдруг на вдохе
окажемся в другой стране,
в другой эпохе.

Отыщется таверна та,
куда, сутулясь,
брела под вечер беднота
парижских улиц.
Там горлопанили, дрались,
кипя от злости.
Божбою страшною клялись,
играли в кости.

И тискали помятых дам,
спиртное дую,
и воры укрывались там
от правосудья.

Ну а в какой укрыться дом
под самый вечер
тому, кто каторжным клеймом
навек отмечен?..

Суров ли, беспощаден суд, —
страшней другое:
когда на весь народ кладут
клеймо изгоя.

Печать отверженности — боль.
Она под кожей.
И не поможет алкоголь
и драка тоже...

А в кабаке привычна грязь,
и в дырах кофта,
но искра нежности, таясь,
мерцала в ком-то.

Она разглаживала вновь
черты уродства,
преображаясь вдруг в любовь
и благородство.

И мы, профессор, верный тон
возьмём, пожалуй,
в одной компании с Манон
и Жан Вольжаном.

И выпьем из российских чаш,
придвинув свечи,
за всех отверженных, за наш
тревожный вечер.

1995

ПАСХАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

Журналисту Д. Дьякову

Когда убирают лицо
неудное власти,
тихонько, трусливо,
расчётливо, исподтишка,
не очень кипят в переулках
народные страсти:
«Недаром турнули,
наверное, не без грешка...»
«Должно быть, не вышел
ни статью солидной, ни рожей...»
А где-то начальство
келейно, без лишних гостей,
тасует колоду —
и нужен какой понадежней,
какой поуслужливей
ну и какой попростей...
Нелепо, конечно,
горластого корчить героя,
но друг наш в беде,
и, невольно, тревога о нём.
Неужто сладим
обретённую гласность без боя
и Димыча, будто
убитую карту, смахнём.
Давайте, тревожась,
на задние лапки не станем,
давайте отбросим
смирненную серость личин,
давайте хоть раз
в дураках прохиндея оставим,
не важно, что он —
свысока надзирающий чин...
А праздник в разгаре,
медовы пасхальные весты,
и ангелы дарят
благие надежды стране,
но всё-таки лучше
поверить отваге и чести
и правду писать
ну хотя бы на голой стене!

2010

* * *

Говорят о том, о сём
вилка с вилочкой.
Мы за праздничным столом,
Ирка-Ирочка.
Песня дадена судьбой
нам нескладная.
Не совпали мы с тобой,
ненаглядная.
У раскидистых берёз,
там, где кузница,
целовались мы всерьёз,
первокурсница.
Ну, конечно, это ты —
Понял сразу я.
Где высокие мечты,
ясноглазая?
Где вечернее село
цвета алого?
То что было, то прошло,
Канцедалова.

2010

* * *

О. Г. Ласунскому

Прежний город исчез, и его не воротить,
но в иных переулках увидишь, найдёшь
тот Воронеж, поэтом воспетый Воронеж,
и невольно почувствуешь сладкую дрожь.

Он в черёмухе весь, в бликах солнечных пятен,
по откосу разбросан, по рыжим буграм.
Он среди погребов и среди голубятен.
И фиалки, фиалки — за стёклами рам.

Знаменитых судеб летописец прилежный,
всдержатель перо не случайно вам дал.
Я бы с вами хотел побродить по Манежной,
а потом заглянуть на Гусиновский вал.

Мы стихи почитали б друг другу на память
и заветные даты припомнили враз.
Закружила бы нас тополияная замаять,
поманила бы шаткая лестница нас.

И какая-то кроха бы вслед нам смеялась:
дескать, что там бормочут они в стороне.
Но стихи незабытые — это не малость
в суматошной, забывчивой нынче стране.

Может быть, увлекаясь, поспорили б слишком.
Вы очки протирали бы, вынув платок,
и какой-нибудь шустрый, лобастый мальчишка
подсказал бы нам пару классических строк.

Мы застыли б на месте в немом удивленье,
открывая нежданно среди всей кутерьмы,
что не так уж бесплотны великие тени
и не так уж дремуче беспамятны мы.

А народ, как держава, раздроблен, расколот,
но в тревожное время без выпрених слов
он придёт к нам на помощь, любимый наш город,
он, в котором сродни Мандельштам и Кольцов.

Знаменитых судеб летописец прилежный,
канет в прошлое всё: и раскол, и развал...
Мы ещё погуляем по старой Манежной,
мы ещё забредём на Гусиновский вал.

1996

КОГДА ПОЁТ ЛАРИСА ДЬЯКОВА

В родной стране совсем не лаково,
но ждешь особенных чудес,
когда поёт Лариса Дьякова
с гитарюю наперевес.

Встают незримо, недержавно
теньями за её спиной
великодушный Окуджава
и Визбор чуточку хмельной.

Таится в струнах столько яркого,
созвучного любой судьбе.
О чём поёшь, Лариса Дьякова?
О сокровенном, о себе.

И об осенней грусти искренней,
и о любви надёжной той,
что люди называли искони
любовью строгой и святой.

Кругом не сдобно и не маково,
но доброй манны ждешь с небес,
когда поёт Лариса Дьякова
с гитарюю наперевес.

2011

ПАМЯТИ Л. А. ШАПОВАЛОВА

Дорогой Леонид Алексеич,
разбрелись мы навеки с тобой.
Ты в Сорбонне разумное сеял,
поощряемый странной судьбой.

Волка видел порой в человеке,
даже если с крестом человек,
но душою в серебряном веке
оставался ты в ядерный век.

МИЛОЧКА

Л. Завельской

И о Блоке, как будто о Боге,
возвещал ты студентам своим,
и на солнечной ровной дороге
ты казался пророком седым.

А когда из вечернего мрака
проступал васильковый накал,
то немножечко под Пастернака
ты волшебные строфы слагал.

И к духовному прошлому ближе,
чем к модерну и супервешам,
комнатёнку Марины в Париже
ты, едва отыскав, навещал...

Ничего теперь не посеешь,
кроме горькой, тревожной молвы.
Дорогой, Леонид Алексеич,
ни Парижа вокруг, ни Москвы.

Был в раскованной творческой силе,
был талантлив, а, главное, — смел.
Отчего же, вернувшись в Россию,
ты в глухом захолустье осел?

И жестоко, насмешливо, ловко
в кантемировский врежется сон:
бельевая ночная верёвка,
тёмный контур замёрзших кальсон.

Затаиться бы надо на время,
переждать у беды на краю,
но житейское душное бремя
навалилось на душу твою.

Только всё же обид паутиною
не завесился ты от людей,
и вечерней порой по-утиному
не запел во дворе соловей.

От недуга истаявший или
от мучительно прожитых лет,
он лежит в неприметной могиле
даровитый приметный поэт.

Подсмотреть бы несуетным оком
и молчать суеверно о том,
как, наверно, беседуешь с Блоком
о достойном, высоком, святом.

И, должно быть, на званом обеде,
где нарядная скатерть бела,
не мешают приватной беседе
никакие мирские дела.

Знакомство наше странное, случайное —
не на гранитных берегах Невы,
а здешнее — конфетное и чайное,
немного запоздалое, увы.

Когда возникла с именем заминочка,
заметила ты, вежливость храня:
«Меня зовут Людмила. Ну а Милочка —
так величают близкие меня».

Предновогодье, а погода сирая,
недавний снег осунулся, зачах.
А ты — светловолосая, красивая
и шубка меховая на плечах.

От вкрадчивых советчиков далёкая,
знакомых выбираешь ты сама.
Твоя походка торопливо-лёгкая
свести могла бы юношей с ума.

Живёшь благополучно в центре города,
но будто бы — у грусти на краю.
Промозглый день — и ни тепла, ни холода,
и ты листаешь книжицу мою.

Потом часы разглядывая, маешься
тревогой полусказочной о том,
что их напрасно завести пытаешься,
что их давно обезголосил гном,
что вот и сердце хрупкое настроено
порой совсем неправильно, не так...
И вдруг часы настенные, настольные
заговорили радостно: «Тик-так...»

Предновогодье суматохой полнится,
гремят петарды и клубится дым.
Далёкое на переломе к полночи
покажется и близким и родным.

Прохожий озадаченно сутулится,
должно быть, сбился человек с пути.
Наискосок — затерянная улица,
а вот не может улицу найти.

Всеведущий, сквозь марево туманное
немного чуда каждому отмерь.
И чтоб земное счастье безобманное
нашло под утро Милочкину дверь.

2011

2012